
МЁРТВАЯ НЕВЕСТА НЕКРОМАНТА
18+
Ада Кассель

Ада Кассель

Мёртвая невеста некроманта. Дом Ардейн. Книга 1

«Автор»
2026

Кассель А.

Мёртвая невеста некроманта. Дом Ардейн. Книга 1 /
А. Кассель — «Автор», 2026

Меня зовут Вера, я судебно-медицинский эксперт. Вчера я вскрывала чужие тела. Сегодня очнулась в чужом — в гробу, в подвенечном платье, с отметиной яда на губах. Четвёртая невеста Чёрного герцога умерла в первую брачную ночь, как и три до неё. Только почему-то открыла глаза.Его светлость Кассиан Ардейн, Верховный некромант Короны, умеет разговорить любого мертвеца. Но не может допросить собственную жену: она больше не мертва. И она точно не та, на ком он женился.У него тридцать дней, чтобы удержать живую жену, иначе мёртвые хлынут в мир живых. У меня тридцать дней, чтобы найти убийцу раньше, чем он закончит начатое.А ещё мне нельзя влюбляться в главного подозреваемого. Даже если он смотрит так, будто я его единственный шанс.

© Кассель А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гроб 6
Глава 2. Допрос 10
Глава 3. Четыре портрета 13
Глава 4. Договор 16
Глава 5. Новенькая 20
Глава 6. Семья 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ада Кассель
Мёртвая невеста некроманта. Дом Ардейн. Книга 1

Мёртвая невеста некроманта
Ада Кассель

Глава 1. Гроб

Санкт-Петербург. Бюро судебно-медицинской экспертизы. Ночь

Покойники — самые честные люди на свете. Они не врут, не перебивают и не звонят в три часа ночи, чтобы спросить, где ключи от машины. Поэтому ночные дежурства я любила больше дневных.

— Соколова, у тебя ещё одна, — Петрович вкатил каталку и шмыгнул носом. — Девушка. Привезли с Обводного, без документов. Утопленница вроде.

— Вроде, — повторила я, натягивая перчатки. — Петрович, слово «вроде» в нашей профессии…

— …стоит кому-то свободы, а кому-то жизни. Знаю. — Он махнул рукой. — Пойду чайник поставлю. Тебе с сахаром?

— Мне с совестью патологоанатома.

— Это без сахара, — заключил он и ушёл, шаркая тапками по кафелю.

Дверь секционной закрылась. Загудела лампа над столом. Где-то в трубах вздохнула вода, как вздыхает старый дом, когда думает, что его никто не слышит.

Я откинула простыню.

Ей было лет двадцать с небольшим. Длинные светлые волосы, почти белые, слиплись от тины. Лицо узкое, с высокими скулами и тонким, упрямым ртом — такие лица рисуют на старинных миниатюрах, а не находят в Обводном канале. Кожа чистая, ни одной татуировки, ни следа от серёжек в мочках.

И платье.

Я двенадцать лет в морге и видела всякое: свадебные платья, костюмы зайчиков, один раз — водолазный скафандр. Но такого не видела. Тяжёлый кремовый шёлк, расшитый жемчугом вручную. Длинные рукава, сотня крошечных пуговиц на спине, кружевной воротник под самое горло. Ни одной бирки. Ни одного машинного шва.

— Ты откуда такая, — пробормотала я и взяла диктофон. — Тело женщины, на вид двадцать — двадцать пять лет. Одежда… нестандартная. Внешних признаков утопления не наблюдаю.

Вот это мне и не понравилось. Утопленник выглядит как утопленник: пена у рта, мацерация кожи, «руки прачки». Здесь — ничего. Её будто опустили в воду уже мёртвой. Или не опускали вовсе, а мокрой она стала как-то иначе.

Я наклонилась ниже.

Ногти. Синие, почти чернильные, ровной полосой у самого основания. Не цианоз. Цианоз так не выглядит.

А на нижней губе — точка. Крошечный ожог, размером с булавочную головку, с ровными краями, будто кто-то капнул на губу кислотой. Вокруг ожога кожа отливала серебром. Тонкой, едва заметной паутинкой, как иней на стекле.

— На нижней губе точечный ожог, — сказала я в диктофон и запнулась. — Вокруг… налёт неизвестного происхождения. Серебристый. Взять смыв.

От неё пахло. Не тиной и не моргом, а лилиями. Сладко, тяжело, как в цветочном магазине перед похоронами. И металлом.

Я потянулась за ватной палочкой и увидела кольцо.

Оно сидело на безымянном пальце левой руки — чёрный камень в оправе из тёмного серебра. На камне был вырезан герб: ворон с распахнутыми крыльями над закрытыми воротами. Такого кольца не продают в ювелирных. Такие кольца передают по наследству вместе с проклятиями.

Лампа над столом мигнула.

— Петрович, — позвала я, не оборачиваясь. — У нас опять напряжение скачет?

Тишина. Даже вода в трубах замолчала.

Я провела палочкой по губе мёртвой. Серебристая паутинка дрогнула. Потянулась за палочкой, как живая. Скользнула по ней вверх — к моей перчатке.

Я отдёрнула руку, но поздно. Холод прошёл сквозь латекс, будто его там не было. Ледяной иглой — в палец, в запястье, в локоть. Сердце пропустило удар. Потом ещё один.

Лампа погасла.

В темноте я увидела, что глаза мёртвой открыты. Серые, светлые, почти прозрачные. Она смотрела прямо на меня.

— Найди его, — сказали её губы. Без голоса. Без дыхания. — Пока он не нашёл тебя.

Пол ушёл из-под ног. Последнее, что я подумала, было очень глупым и очень профессиональным:

«Время смерти — три часа семь минут. Кто-нибудь, запишите».

* * *

День третий из тридцати

Пахло лилиями.

Это я поняла раньше всего остального. Раньше, чем то, что не могу пошевелить руками. Раньше, чем то, что вокруг темно и тесно. Раньше, чем то, что воздух горячий, спёртый и его становится меньше с каждым вдохом.

Лилии. Воск. И сырой камень.

Я лежала на спине. Под затылком было мягко — атлас, подушка. Над лицом, сантиметрах в десяти, — что-то твёрдое. Я подняла руку. Пальцы упёрлись в дерево, обитое тканью.

Так.

Спокойно, Соколова.

Двенадцать лет стажа. Ты видела сотни людей в такой позе. Разница только в том, что они не задавали вопросов, а у тебя их много.

Вопрос первый: где я?

Ответ очевидный, и он мне не нравился. Узкий деревянный ящик, атлас, лилии. Если это не гроб, то очень удачная его имитация.

Вопрос второй: почему?

Я помнила морг. Помнила девушку в жемчужном платье, серебристую паутину, холод в пальцах. Помнила, как погас свет. Значит, мне стало плохо. Остановка сердца, судя по ощущениям. Петрович нашёл меня на полу, вызвал скорую… а дальше кто-то констатировал смерть.

Ошибочно.

— Кого-то за это уволят, — прошептала я в темноту. Голос был чужой — выше и мягче моего. Горло пересохло. — Я лично прослежу.

Злость помогла. Злость всегда помогает лучше паники.

Я упёрлась ладонями в крышку и толкнула. Крышка не шелохнулась. Я ударила кулаком — раз, другой. Звук вышел глухой, ватный, утонул в обивке.

Воздуха становилось меньше. В висках застучало.

И тогда я услышала голоса.

Снаружи кто-то пел. Медленно, низко, на незнакомом языке — гортанном, с долгими гласными, похожем на ветер в каминной трубе. Я не знала этого языка. Но, странное дело, понимала каждое слово.

«…и да примет её Навь, и да закроются врата за ней, и да не вернётся она на дорогу живых…»

— Очень вам признательна, — прохрипела я. — Но я, пожалуй, вернусь.

Я забарабанила по крышке обеими руками, изо всех сил, срывая ногти о ткань.

Пение оборвалось.

— Вы слышали? — спросил женский голос, высокий и испуганный.

— Крысы, ваша светлость, — ответил другой голос, мужской и старый. — В склепах всегда крысы.

— В закрытом гробу? — третий голос был низким и спокойным. Таким спокойным, что от него по спине пробежал холод. — Отойдите.

— Ваша светлость, обряд не завершён, если открыть крышку до…

— Я сказал, отойдите.

Что-то скрежетнуло. Щёлкнули замки — один, второй, третий. Кто-то запирает гроб на три замка, отметила я машинально. Либо очень любит покойницу, либо очень её боится.

Крышка поднялась.

Свет ударил в глаза — неяркий, рыжий, свечной, но после темноты он показался ослепительным. Я зажмурилась, вдохнула полной грудью холодный, сырой, чудесный воздух и закашлялась.

А когда открыла глаза, увидела его.

Он стоял над гробом, упираясь ладонью в откинутую крышку. Высокий, в чёрном с головы до ног: длинный камзол с высоким воротом, перчатки, тяжёлый плащ. Тёмные волосы падали на лоб. Лицо — резкое, будто высеченное наспех и без жалости: прямой нос, жёсткий рот, острые скулы. Бледное. Красивое той красотой, от которой хочется не любоваться, а держаться подальше.

И глаза. Серые, как зимнее море. Он смотрел на меня без страха, без радости, без удивления.

Он смотрел на меня так, как я сама смотрю на улику.

За его спиной теснились люди со свечами. Женщина в чёрной вуали схватилась за сердце. Старик в чёрной жреческой рясе уронил книгу. Кто-то в задних рядах тихо охнул и, судя по звуку, упал в обморок.

А на плече у мужчины в чёрном сидел кот.

Точнее, то, что раньше было котом. Белый, гладкий, будто отполированный скелет, с длинным изящным хвостом из позвонков. В пустых глазницах мерцали два зелёных огонька. Кот наклонил голову набок и посмотрел на меня с явным гастрономическим интересом.

Я решила, что подумаю о коте позже.

— Кто констатировал смерть? — спросила я. Голос сорвался, и я откашлялась. — Мне нужно имя. И время.

Мужчина в чёрном медленно приподнял бровь.

— Я, — сказал он. — Три дня назад. Лично.

— Плохо констатировали.

Повисла тишина. Такая плотная, что я услышала, как потрескивает фитиль ближайшей свечи. Женщина в вуали издала звук, похожий на писк. Старик в мантии забормотал молитву.

Мужчина в чёрном не шелохнулся. Только в серых глазах что-то изменилось — будто под зимним льдом шевельнулась тёмная вода.

— Любопытно, — произнёс он негромко. — Я Верховный некромант Короны, леди. За двенадцать лет я не ошибся ни разу. Мёртвые не лгут мне. И три дня назад вы были мертвы так же надёжно, как эти стены.

— Все ошибаются, — упрямо сказала я и попыталась сесть.

Получилось не сразу. Тело слушалось плохо, будто чужое, будто я надела его второпях и не по размеру. Платье тянуло вниз — тяжёлое, длинное, с бесконечными рукавами. Я опёрлась о край гроба, подтянулась…

И увидела свои руки.

Это были не мои руки.

У меня широкие ладони и короткие ногти — с моей работой длинные не отрастишь. Шрам на большом пальце от скальпеля, родинка на запястье, вечно сухая от антисептика кожа.

Эти руки были узкими, белыми и тонкими, с длинными пальцами. Ногти — с синеватой полосой у основания. Ровной, чернильной, знакомой.

А на безымянном пальце левой руки сидело кольцо. Чёрный камень в оправе из тёмного серебра. Ворон с распахнутыми крыльями над закрытыми воротами.

Я подняла дрожащую руку к лицу. Тронула нижнюю губу. Под пальцем нащупалась крошечная, твёрдая точка ожога.

Мужчина в чёрном проследил за моим движением. И я увидела у него на руке, поверх перчатки, точно такое же кольцо. Ворон и ворота.

— Кто вы? — спросил он очень тихо. Вопрос был задан не мне. Он был задан телу, в котором я сидела. — Кто вы такая и что сделали с моей женой?

Женой.

Я смотрела на свои чужие руки, на кольцо, на подвенечное платье, расшитое жемчугом вручную. Я видела это платье на секционном столе. Я диктовала его описание в диктофон.

Это было тело с моего стола.

И теперь в нём была я.

Глава 2. Допрос

День третий из тридцати

— Все вон, — сказал он, не повышая голоса.

Склеп опустел так быстро, будто его продуло сквозняком. Зашуршали юбки, застучали каблуки по камню, свечи потекли к выходу цепочкой огоньков. Женщину в чёрной вуали подхватил под локоть высокий светловолосый мужчина в синем мундире, с саблей на боку. Она обмякла у него на руках, и он, бросив на меня быстрый, острый взгляд, почти вынес её на лестницу.

Остались трое. Он. Старик в чёрной рясе, который всё ещё бормотал молитву и прижимал к груди подобранную книгу. И кот.

— Отец Бертольд, — сказал мужчина в чёрном. — Вас это тоже касается.

— Ваша светлость, — старик облизнул сухие губы. — Если в тело леди вошло нечто из Нави, его нужно запечатать, пока оно не окрепло. По закону…

— По закону это моя жена. И моё дело. Ступайте.

Жрец посмотрел на меня так, как смотрят на крысу, которая заговорила человеческим голосом, перекрестился каким-то незнакомым знаком — ладонью от лба к сердцу — и ушёл, оглядываясь.

Мы остались одни. Если не считать кота и полусотни мертвецов в стенных нишах.

Склеп был большой и старый. Своды из чёрного камня, по стенам — ряды табличек с именами, полустёртыми временем. Пахло сыростью, воском и лилиями, которыми был засыпан мой гроб. Я сидела в нём, как в лодке, в подвенечном платье, и ждала, что будет дальше.

— Вылезайте, — сказал он.

— Помогите, — сказала я. — Тело меня не слушается. Три дня в гробу, знаете ли, не лучшая разминка.

Он помедлил. Потом протянул руку в чёрной перчатке. Я ухватилась за неё, и меня будто ударило — не больно, но ощутимо, как статическим разрядом от шерстяного свитера. Кольцо на моём пальце потеплело. Его — тоже: я увидела, как дрогнули его ноздри.

Он рывком поставил меня на ноги. Ноги подогнулись. Он поймал меня за талию — жёстко, без всякой нежности, как ловят падающий стул, — и усадил на край каменного постамента.

— Не двигайтесь.

Он снял перчатку. Пальцы у него оказались длинные, бледные, с тонкими белыми шрамами на подушечках. Он положил ладонь мне на лоб. Ладонь была ледяной.

— Говори, ушедшая, — произнёс он негромко, и голос его изменился. Стал глубже, будто доносился одновременно отсюда и из-под земли. — Именем Грани и правом крови я, Кассиан Ардейн, зову тебя. Назови того, кто прервал твой путь.

Холод прошёл от его ладони мне в голову, в шею, вниз по позвоночнику. Свечи вокруг нас разом пригнулись, будто на них подули. Где-то в нишах зашелестело — сухо, тихо, словно перевернулись тысячи страниц.

И ничего.

Я чувствовала его магию. Она скользила по мне, как вода по стеклу, ища щель, трещину, за которую можно зацепиться. И не находила.

Он убрал руку. Посмотрел на свою ладонь так, будто она его подвела.

— Пусто, — сказал он. — Как и у всех.

— У всех? — переспросила я.

Он не ответил. Надел перчатку, медленно, палец за пальцем, и только потом поднял на меня глаза.

— Я спрашиваю мёртвых двенадцать лет, — сказал он. — Мёртвые отвечают мне всегда. Даже те, кто не хочет. Даже те, кто сгнил до костей. Я могу заставить говорить череп, пролежавший в земле сто лет. Но вы молчите. Потому что вы не мертвы. А та, кто должна мне ответить, — он помолчал, — ушла. Не в Навь. Куда-то ещё.

— Ваша жена.

— Эвелина Лисс. Дочь барона Лисса из Серых Холмов. Двадцати трёх лет. Мы обвенчались три дня назад. Наутро после свадьбы её нашли в постели мёртвой.

Он говорил ровно, как зачитывал протокол. Ни дрожи в голосе, ни горя. Но пальцы его правой руки, я заметила, медленно сжимались и разжимались.

— А вы? — спросила я.

— Что — я?

— Где были вы? В первую брачную ночь.

Он улыбнулся. Нехорошо улыбнулся, одними губами.

— Об этом меня уже спрашивал королевский дознаватель. Трижды. И ещё трижды до этого — по поводу трёх предыдущих невест. Вы будете седьмой, леди. Хотите, я отвечу вам то же, что ему?

— Хочу.

— Я был с ней. До полуночи. Потом ушёл к себе, как требует обычай. Утром её нашли.

— Кто нашёл?

— Горничная.

— Во сколько?

— Какое это имеет значение?

— Огромное, — сказала я. — Время смерти — первое, что нужно установить. Если она умерла в полночь, это одно. Если на рассвете — другое. Трупные пятна были? Окоченение? В какой позе лежала? Губы, ногти — вы смотрели на ногти?

Я говорила быстро, по привычке, и только на середине фразы поняла, как это звучит. Невеста в подвенечном платье, только что вставшая из гроба, требует у мужа протокол осмотра собственного трупа.

Кассиан Ардейн молчал. Смотрел. В серых глазах опять шевельнулась та тёмная вода.

— Ногти, — повторил он наконец.

Я подняла руку и показала ему. Синеватая полоса у самого основания ногтей, ровная, как проведённая по линейке.

— Видите? Это не сердце. При сердечной недостаточности синеет всё ногтевое ложе, а не полоска. И вот здесь, — я коснулась нижней губы, — ожог. Точечный. Его оставило что-то едкое, попавшее на губы. Её отравили, ваша светлость. И сделали это не в желудок, а через губы. Поцелуем. Или краем чаши.

Тишина. Пряник — я пока не знала, что его зовут Пряником, — спрыгнул с плеча хозяина, прошёл по постаменту, мягко постукивая костями лап, и сунул безносую морду мне в ладонь. Обнюхал ногти. Фыркнул. А потом сел рядом и затарахтел. Звук был такой, будто в жестяной банке катаются горошины.

— Он мурлычет, — сказала я.

— Он не мурлычет двадцать лет, — сказал Кассиан. — С тех пор как умер.

Он посмотрел на кота. Потом на меня. Потом снова на кота. И в его лице что-то изменилось — будто он принял решение.

— Эвелина Лисс, — проговорил он медленно, — не умела читать. Эвелина Лисс боялась крови так, что падала в обморок, уколов палец иглой. Эвелина Лисс за четыре дня нашего знакомства не произнесла при мне ни одной фразы длиннее пяти слов, потому что её мать велела ей молчать и улыбаться. Кто вы?

Можно было соврать. Сказать: «Удар головой, потеря памяти, ничего не помню». Я видела достаточно сериалов. Но я смотрела в эти серые глаза и понимала: он почувствует ложь, как я чувствую запах формалина. А мне нужен был хотя бы один человек в этом месте, который знает правду.

Даже если этот человек — главный подозреваемый.

— Меня зовут Вера, — сказала я. — Вера Соколова. Я судебно-медицинский эксперт. Я работаю с мёртвыми. Режу их, чтобы узнать, от чего они умерли. Три дня назад… или сколько там прошло… я дежурила ночью в морге. Мне привезли девушку в этом платье. С этими ногтями и этим ожогом. Я дотронулась до неё. И очнулась здесь.

Он не засмеялся и не перебил. Только чуть наклонил голову — точно так же, как кот.

— Морг, — повторил он незнакомое слово.

— Дом для мёртвых. Где их хранят до похорон и вскрывают.

— Значит, там, откуда вы пришли, есть некроманты.

— Нет. У нас мёртвые не разговаривают. Поэтому приходится слушать то, что они говорят телом.

Что-то мелькнуло в его взгляде. Интерес. Настоящий, живой, острый интерес, который он тут же спрятал.

— Вы понимаете, что говорите? — спросил он тихо. — Если хоть слово из этого дойдёт до отца Бертольда, вас сожгут как одержимую. А заодно, скорее всего, и меня — за то, что не позволил вас изгнать.

— Понимаю. Поэтому говорю только вам.

— Почему мне?

— Потому что вы единственный, кто был в склепе и не испугался, — сказала я. — Либо вы очень храбрый. Либо вы знаете, кто её убил, и вам нечего бояться мёртвых. В обоих случаях мне лучше держаться рядом с вами.

Он долго смотрел на меня. А потом рассмеялся. Коротко, хрипло, будто давно разучился и теперь вспоминал, как это делается.

— Вы мне не доверяете.

— Нет.

— Хорошо. Я вам тоже.

Он снова протянул мне руку. На этот раз я ухватилась за неё сама, и снова кольца потеплели, и снова короткий разряд пробежал по коже.

— Вы чувствуете? — спросил он.

— Чувствую.

— Это клятва крови. Мы с Эвелиной принесли её в брачную ночь. Теперь, выходит, мы с вами связаны. — Он помолчал. — Скверная новость для нас обоих.

— Почему?

Он помог мне встать, придержал за локоть, когда меня качнуло, и повёл к лестнице. Прянник трусил впереди, освещая ступени зелёными огоньками глазниц.

— Потому что в нашем роду клятва крови держит Грань, леди, — сказал Кассиан, не глядя на меня. — Стену между живыми и мёртвыми. И если в течение тридцати дней после свадьбы жена герцога Ардейна умирает, Грань слабеет. Мёртвые выходят к живым. А король отбирает у рода титул, земли и честь.

— Сколько раз она уже слабела?

— Четыре. Сегодня третий день. У меня осталось двадцать семь.

На верхней ступени он остановился и повернулся ко мне. В свете факела его лицо стало резче, чем в склепе, а тени под глазами — глубже.

— Поэтому запомните, Вера Соколова. Кто бы вы ни были и откуда бы ни пришли, вы проживёте эти двадцать семь дней. Все до одного. Хотите вы того или нет.

Глава 3. Четыре портрета

Кассиан. Ночь третьего дня

Галерея невест была самым холодным местом в Чёрном Утёсе. Даже крипта под часовней казалась теплее.

Её построил мой прадед, когда женился в третий раз. Он любил смотреть на лица тех, кого пережил. Я не любил. Но приходил сюда каждую ночь после очередных похорон, вставал перед новым портретом и заставлял себя смотреть.

Это было единственное, что я мог для них сделать.

Четыре портрета. Четыре рамы чёрного дерева. Четыре лица.

Марта Вельс. Восемнадцать… нет, двадцать лет, она прибавила себе возраст в год сватовства, и я узнал об этом только на её надгробии. Пухлые щёки, ямочка на подбородке, смешливые глаза. Она смеялась на нашей свадьбе. Её нашли наутро на полу у кровати, будто она пыталась доползти до двери.

Ориана Дейл. Двадцать четыре года. Тёмные косы, гордый рот. Она ненавидела меня с первого взгляда и не скрывала этого, а я её за это уважал. Её нашли в кресле у окна, с открытыми глазами, смотрящими на море.

Аделаида Корвин. Двадцать шесть лет. Рыжая, острая на язык, умная. Единственная, с кем мне было не скучно говорить. Я почти надеялся. Её нашли в ванне, в остывшей воде.

Эвелина Лисс. Двадцать три года. Светлые волосы, светлые глаза, тонкий упрямый рот, который так и не решился при мне упрямиться. Её нашли в постели, с руками, сложенными на груди, будто кто-то уже позаботился о похоронах.

Четыре женщины. Четыре утра. Четыре «сердечной слабости», подписанные магистром Хейлом, королевским целителем, моим учителем и единственным человеком при дворе, который не отводил глаз, разговаривая со мной.

И ни одна не ответила мне после смерти.

Я помню первый раз. Марта лежала на столе в часовне, я положил ладонь ей на лоб и позвал. Привычно, не думая, как зову сотни раз в год, когда король хочет знать, кто зарезал купца на Рыбном рынке или куда сбежал казначей с казной. Мёртвые отвечают всегда. Это закон. Три дня после смерти душа стоит у порога Нави, и некромант может окликнуть её, как окликают человека на другом берегу реки.

Марта не ответила. Там, где должна была стоять её душа, была пустота. Не тишина — пустота. Будто кто-то вырезал кусок ткани из полотна и унёс.

Я думал, что ошибся. Что устал. Что горе сбило мне руку. Но когда это повторилось с Орианой, я понял, что дело не во мне.

А двор понял по-своему.

«Чёрный герцог убивает невест». Я слышал это за спиной на каждом приёме. Видел в глазах отцов, которые прятали дочерей, когда я въезжал в их города. Король Альдрик выбирал мне невест сам, по жребию, из дочерей обедневших родов, которым нечем было откупиться. Эвелину Лисс привезли ко мне в карете с королевским гербом, как привозят овцу на заклание. Она плакала всю дорогу. Я знаю, потому что глаза у неё были красными до самой свадьбы.

Я разжал кулак. Посмотрел на свою руку.

Под кожей на запястье, там, где проходила жила, темнела тонкая чёрная линия. Ещё полгода назад она доходила только до середины предплечья. Теперь поднималась выше локтя. Если расстегнуть рубашку, видно, как она ветвится у сердца — чёрные корни, прорастающие внутрь.

Клятва крови связывает герцога Ардейна с женой. Когда жена умирает, связь рвётся. А рваная связь забирает с собой кусок того, кто остался.

Четыре невесты — четыре куска. Хейл, осмотрев меня в последний раз, долго молчал, а потом сказал: «Ещё одна, Кассиан. Может быть, две. Не больше».

Он не сказал, что потом. Я и так знал.

Пятой не будет. Пятой не будет, потому что после Эвелины я умру не через год, не через месяц, а на тридцатый день, когда Грань рухнет, — и мне, честно говоря, было почти всё равно, как именно это произойдёт.

Было. До сегодняшнего утра.

— Ты опять здесь.

Я не обернулся. Шаги магистра Хейла я узнал бы среди тысячи — мягкие, шаркающие, с лёгкой заминкой на левую ногу.

— Вы тоже, — сказал я.

— Я старик. Мне не спится.

Он встал рядом. Седой, сухой, в неизменной серой мантии целителя, с добрыми усталыми глазами под кустистыми бровями. Он учил меня держать скальпель, когда мне было десять, и научил держать язык за зубами, когда мне было пятнадцать. Отец не говорил со мной вовсе. Хейл говорил.

— Я видел её, — сказал он после паузы. — Издалека, в коридоре. Ингрид рассказала мне, что случилось в склепе. Мальчик мой… ты понимаешь, что это?

— Объясните.

— Тело, оставленное душой, — открытая дверь. Ты знаешь это лучше меня. В открытую дверь может войти что угодно. Блуждающий дух. Тварь из Нави. Голодная тень, которая притворяется человеком, пока не наберётся сил. — Он положил мне руку на плечо. — Её нужно изгнать. Сегодня. Пока она слаба.

— Изгоню, — сказал я, — и через двадцать семь дней у меня будет пятая мёртвая жена. И рухнувшая Грань.

— Грань рухнет так или иначе. Ты же не думаешь, что тварь удержит её вместо Эвелины?

— Клятва приняла её, — сказал я. — Я чувствую это. Кольцо греется, когда она рядом. Будь она тварью из Нави, кольцо обожгло бы ей палец.

Хейл помолчал.

— Ты чувствуешь, — повторил он. — Кассиан, ты понимаешь, что это может быть её ловушкой? Твари из Нави умеют притворяться. Они знают, чего мы хотим. Ты хочешь жить, мальчик. Впервые за много лет — хочешь. Я вижу это по твоему лицу. И она это видит.

Я наконец повернулся к нему.

— Она сказала, что Эвелину отравили, — произнёс я. — Через губы. Синие ногти, ожог. Вы осматривали все четыре тела, магистр. Вы видели ногти?

Что-то дрогнуло в его лице. Мимолётно, едва заметно — так дрожит пламя свечи, когда кто-то проходит мимо.

— Я видел то, что видел, — сказал он мягко. — Сердечную слабость. Синюшность — её признак, Кассиан, это знает любой ученик. А ожоги… Девочка могла прикусить губу во сне. Ты хватаешься за соломинку.

— Возможно.

— И ты хватаешься за неё потому, что тварь знает, какую соломинку тебе протянуть.

Он сжал моё плечо, похлопал и пошёл прочь, шаркая и прихрамывая. На повороте галереи обернулся.

— Будь осторожен, мальчик. Ты нужен Короне живым.

Я остался один с четырьмя портретами.

Хейл мог быть прав. Скорее всего, он и был прав: он всегда оказывался прав, во всём, что касалось тела и смерти. Существо в теле Эвелины могло оказаться ловушкой, голодом, тенью, нашёптывающей мне то, что я хочу слышать.

Только тени из Нави не требуют свет, чтобы осмотреть трупные пятна. И не спрашивают, во сколько нашли тело. И не смотрят на свои синие ногти с выражением человека, который нашёл наконец улику, а не беду.

Вера Соколова. Странное имя. Странный выговор: она произносила слова твёрдо и коротко, будто резала их ножом. Странные руки — Эвелина держала их сложенными на коленях, а эта всё время что-то трогала, ощупывала, проверяла.

Странная женщина, которая смотрела на меня в склепе не со страхом, а с подозрением. Как на свидетеля, который врёт.

Я поймал себя на том, что почти улыбаюсь, и тут же перестал.

Где-то наверху, в восточном крыле, где располагались покои герцогини, хлопнула дверь. Я прислушался. Тишина. Потом — шаги в коридоре над головой, мягкие, крадущиеся. И сразу за ними — тихий, жестяной, ни на что не похожий звук.

Пряник.

Я поднял голову. Кота не было у меня на плече. Не было рядом. Не было в галерее.

За двадцать лет, с тех пор как тринадцатилетним мальчишкой я поднял его, мёртвого, из-под кустов шиповника в саду, кот ни разу не уходил от меня ночью.

Я пошёл наверх. По лестнице, по коридору, мимо спящих покоев матушки Ингрид, мимо дверей Рейнара, за которыми ещё горел свет. Дальше, к комнатам, которые четыре раза за четыре года готовили для новой герцогини.

Пряник сидел на коврике перед её дверью, обвив лапы хвостом из позвонков, и смотрел в темноту коридора. Не на меня. Мимо меня. В дальний угол, где лестница уходила вниз, к кухням.

Глазницы его горели не зелёным, а красным.

Он сторожил. И кого-то только что прогнал.

Я долго стоял в коридоре, прислушиваясь. Никого. Только сквозняк качал пламя единственного факела, да где-то далеко внизу шумело море.

Потом я сел на пол рядом с котом, спиной к её двери, вытянул ноги и положил на колени обнажённый кинжал.

— Не говори ей, — сказал я Прянику.

Кот посмотрел на меня с явным презрением и снова уставился в темноту.

Глава 4. Договор

День четвёртый из тридцати

Первое утро в новой жизни началось с зеркала.

Оно висело напротив кровати — высокое, в тяжёлой серебряной раме, чуть мутное от старости. Я подошла к нему босиком, по холодному полу, в чужой ночной сорочке, и долго смотрела.

Из зеркала на меня смотрела та самая девушка с секционного стола.

Белые, почти серебряные волосы до пояса. Узкое лицо с высокими скулами. Серые глаза, светлые, как вода в ручье. Тонкий рот. Рост на голову ниже моего — моего настоящего, — плечи узкие, запястья такие тонкие, что их можно обхватить двумя пальцами.

Красивая. Хрупкая, как фарфоровая статуэтка. Совершенно не моя.

— Ну здравствуй, Эвелина, — сказала я зеркалу. — Прости. Я не просилась.

Зеркало промолчало. Я приподняла верхнюю губу, оттянула нижнюю. Ожог был на месте — крошечная тёмная точка, уже подсохшая. Серебристой паутины вокруг не было. Ногти тоже посветлели: синяя полоса истончилась, будто отступала.

Тело заживало. Значит, оно было живым. По-настоящему живым.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла горничная — женщина лет тридцати, круглолицая, румяная, с подносом в руках. Увидев меня у зеркала, она замерла, побелела и чуть не выронила поднос.

— Святая Грань, — прошептала она. — Значит, правда.

— Правда, — согласилась я. — Доброе утро. Как вас зовут?

Горничная моргнула.

— Т-Тесса, миледи. Вы же… вы меня знаете. Я вас одевала к свадьбе.

Так. Первая ошибка. Нужно быть осторожнее.

— После того, что случилось, у меня в голове туман, — сказала я и, кажется, даже не соврала. — Многое забылось. Тесса, что это?

— Завтрак, миледи. Отвар из шиповника, хлеб, мёд…

— Поставьте на стол. Я сама.

Тесса поставила поднос и попятилась к двери, не сводя с меня глаз. На пороге остановилась.

— Миледи… — прошептала она. — А там… там, за Гранью… страшно?

Я подумала о морге. О Петровиче с его чайником. О пустой квартире на Васильевском, где меня никто не ждал, кроме засохшего фикуса.

— Не знаю, Тесса, — сказала я честно. — Я туда не дошла.

Она вышла. Я подошла к подносу, взяла чашку с отваром, понюхала. Шиповник, мёд, что-то травяное. Никаких лилий. Никакого металла.

И всё равно поставила чашку обратно, не отпив.

Паранойя — профессиональная болезнь судмедэкспертов. Особенно тех, кого недавно отравили.

* * *

Он пришёл через час. Без стука, без предупреждения — просто открыл дверь и вошёл, будто в собственный кабинет. Хотя, наверное, формально так оно и было: в этом замке ему принадлежало всё, включая меня.

Днём он выглядел иначе, чем в склепе. Не таким огромным и не таким страшным. Чёрный камзол, белая рубашка с высоким воротом, волосы влажные, будто он только что умывался. Под глазами залегли тени: он явно не спал.

На плече сидел Пряник. Увидев меня, кот спрыгнул, прошёл через комнату и улёгся на подоле моего платья, как на собственном коврике.

— Предатель, — сказал ему Кассиан.

Пряник затарахтел.

Кассиан сел в кресло напротив, не спрашивая разрешения, и положил на столик между нами свиток. Свиток был перевязан чёрной лентой и запечатан воском с вороном над воротами.

— Что это? — спросила я.

— Договор.

— Брачный? Мы, кажется, уже женаты.

— Деловой. — Он сломал печать и развернул свиток. — Я провёл ночь, размышляя, что с вами делать, Вера Соколова. Магистр Хейл считает, что вас нужно изгнать. Отец Бертольд — что сжечь. Король, если узнает, скорее всего согласится с обоими. Мне нужна живая жена. Вам, полагаю, нужна защита. Предлагаю сделку.

Он читал. Ровно, сухо, как нотариус.

Пункт первый: Вера Соколова, в теле Эвелины Ардейн, урождённой Лисс, обязуется прожить в замке Чёрный Утёс в качестве законной супруги герцога Кассиана Ардейна до истечения тридцатого дня со дня свадьбы.

Пункт второй: обязуется не покидать замок без сопровождения, не раскрывать никому своего истинного имени и происхождения и вести себя так, как подобает герцогине.

Пункт третий: герцог Ардейн обязуется защищать её жизнь всеми доступными средствами, включая собственную.

Пункт четвёртый: по истечении тридцатого дня Вера Соколова получает свободу, развод по закону Грани, десять тысяч золотых крон, дом в южной провинции Альмерия, а также, если таковой найдётся, путь в её собственный мир.

Он отложил свиток.

— Вопросы?

— Много, — сказала я. — Начнём с пункта второго. «Вести себя так, как подобает герцогине». Что это значит?

— Молчать, улыбаться, не задавать вопросов.

— Не подходит.

Он приподнял бровь. Это движение начинало меня раздражать: оно означало, что он развлекается.

— Вы торгуетесь?

— Я добавляю пункт пятый. — Я взяла со стола перо, обмакнула в чернильницу и, наклонившись над свитком, начала писать. Почерк у Эвелины оказался не моим — рука вела буквы неуверенно, коряво, будто впервые. Но писала-то я. — Вера Соколова участвует в расследовании смерти Эвелины Лисс и трёх предыдущих невест. Имеет доступ ко всем телам, местам смерти, свидетелям и документам. Герцог обязуется не скрывать от неё сведений, относящихся к делу.

— Нет.

— Да.

— Это опасно.

— Мне уже опасно, — сказала я. — Тот, кто убил Эвелину, сейчас в этом замке. Вы знаете это не хуже меня. И он знает, что работа не закончена. Я могу сидеть в комнате и ждать, пока он придёт закончить. Или могу найти его первой.

Кассиан молчал. Пряник на моём подоле перестал тарахтеть и поднял голову.

— Вы ведь тоже искали, — сказала я тише. — Четыре года. И не нашли. Потому что смотрели как некромант — туда, где должна быть душа. А нужно смотреть как я — туда, где остался след. Мёртвые не ответили вам. Ответят мне.

— Как?

— Телами. Синими ногтями. Ожогом на губе. Позой. Временем. Пылью на подоконнике. Тело — это протокол, ваша светлость, его просто нужно уметь читать.

Он смотрел на меня долго, не мигая. Потом протянул руку.

— Дайте перо.

Я отдала. Он перечитал мой пункт, поморщился на кривой почерк, а потом дописал своей рукой — быстрым, резким, наклонным почерком:

«…при условии, что Вера Соколова не предпринимает никаких действий без ведома герцога и не подвергает свою жизнь опасности сверх необходимого».

— Сверх необходимого, — повторила я. — А кто решает, что необходимо?

— Я.

— Тогда нет.

— Тогда никак.

Мы смотрели друг на друга через столик. Кот смотрел на нас обоих.

— Мы решаем вместе, — сказала я. — Если не договоримся — спорим. Если спорим больше часа — решает кот.

Кассиан посмотрел на Пряника. Пряник посмотрел на него.

— Кот на вашей стороне, — сказал он.

— Кот разбирается в людях.

Уголок его рта дрогнул. Он зачеркнул «я», вписал «оба» и поставил подпись. Потом достал из-за пояса тонкий кинжал, уколол себе палец, и капля крови упала рядом с подписью, расплывшись тёмным пятном.

Протянул кинжал мне.

— Ваша очередь.

Эвелина боялась крови. Я уколола палец не глядя, привычно, как делают забор крови. Капля упала рядом с его каплей. Пятна соприкоснулись краями и слились.

Кольцо на моём пальце вспыхнуло жаром. Я охнула. Кассиан стиснул зубы — его кольцо, судя по лицу, обожгло тоже. На секунду мне показалось, что я слышу его сердце. Не в ушах — внутри, рядом со своим. Тяжёлые, медленные, усталые удары.

Потом всё прошло.

— Это что сейчас было? — спросила я, тряся рукой.

— Не знаю, — сказал он. Голос у него был странный. — Такого раньше не было.

Он свернул свиток, поднялся, сунул его за отворот камзола.

— Через час будьте готовы. Я покажу вам замок. И представлю семье. Матушка Ингрид настаивала на завтраке, но я сказал, что вы слабы. Ужина избежать не удастся.

— Ваша семья знает?

— Моя семья знает, что моя жена встала из гроба. Этого более чем достаточно. — Он помолчал у двери. — Вера.

Он в первый раз назвал меня по имени. Без «леди», без фамилии. Получилось неожиданно мягко.

— Что?

— Не ешьте ничего, что приносят в эту комнату. Еду для вас будет носить Тесса — из моих рук. Не пейте ничего, что не налил при вас я. Не открывайте дверь никому, кроме меня и кота. И если ночью услышите шаги в коридоре — не выходите.

Я вспомнила нетронутую чашку с отваром на подносе.

— А если это будете вы?

— Если это буду я, — сказал Кассиан Ардейн, — я постучу три раза. Как стучат в крышку гроба, когда хотят, чтобы мёртвые не просыпались.

Он ушёл. Пряник остался лежать на моём подоле.

Я посмотрела на кота.

— Твой хозяин, — сказала я, — либо очень хороший человек, либо очень хороший убийца.

Кот зевнул, показав маленькие белые зубы, и ничего не ответил.

Глава 5. Новенькая

День четвёртый из тридцати

Замок Чёрный Утёс стоял на краю мира. По крайней мере, так казалось, когда смотришь с его стен.

С одной стороны — серое море, тяжёлое, как ртуть, с белыми гребнями волн, разбивающимися о скалы далеко внизу. С другой — вересковые пустоши до самого горизонта, бурые, мокрые, с клочьями тумана в низинах. Над всем этим — низкое небо цвета старого олова.

— Красиво, — сказала я.

Кассиан, стоявший рядом на стене, посмотрел на меня с подозрением.

— Обычно говорят «жутко».

— Обычно вы показываете замок невестам, которых привезли против их воли. Я сама подписала договор. Это меняет перспективу.

Он хмыкнул и пошёл дальше.

Экскурсия заняла три часа. Он водил меня по замку, как водят следователя по месту преступления: коротко, сухо, ничего лишнего. Вот библиотека — три этажа книг, лестницы на колёсиках, запах пыли и кожи. Вот часовня, где проводят брачный обряд, с алтарём из чёрного камня и витражом, на котором ворон распахивал крылья над воротами. Вот вход в крипту — туда без меня не ходить. Вот западное крыло: покои Рейнара, кузена, и казармы стражи. Вот восточное: покои матушки Ингрид и её оранжерея.

— Оранжерея? — заинтересовалась я.

— Матушка разводит редкие растения. Лекарственные, по большей части. Она помогает магистру Хейлу с настойками.

— А по меньшей части?

Он остановился и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Не все растения в оранжерее безопасны, — сказал он. — Как и в любой аптеке. Матушка Ингрид вырастила меня, Вера. Когда моя мать умерла, мне было тринадцать. Ингрид не обязана была со мной возиться, я был чужим сыном. Но возилась.

— Я ничего не сказала.

— Вы подумали.

— Я всегда думаю. Это моя работа.

Последней он показал галерею невест. Мы постояли перед четырьмя портретами. На последнем, ещё пахнущем свежим лаком, было моё нынешнее лицо, только испуганное и покорное.

— Её написали за неделю до свадьбы, — сказал Кассиан. — Она не могла усидеть на месте больше минуты. Художник жаловался.

Я посмотрела на рыжеволосую женщину на третьем портрете. Острый подбородок, насмешливые зелёные глаза, тень улыбки, которую художник, кажется, пытался стереть, а она проступила всё равно.

— Кто это?

— Аделаида Корвин. — Он помолчал. — Она была… интересной.

Я покосилась на него. Голос его на этом слове чуть изменился.

— Вы её любили?

— Нет, — ответил он сразу. — Но она мне нравилась. Это реже.

* * *

Я проснулась среди ночи от того, что кто-то смотрел на меня.

Это чувство знакомо каждому, кто работал в морге. Ты сидишь над бумагами, вокруг ни души, и вдруг затылок холодеет. Ты оборачиваешься — никого, только ряд холодильных камер. Но ощущение не проходит.

Я открыла глаза.

В комнате было темно, только в камине тлели угли. Пряник спал у меня в ногах, свернувшись костяным клубком. Тихо. И всё-таки кто-то смотрел.

Я села. Обвела взглядом комнату. Кресло. Столик. Шкаф. Окно, за которым шумело море.

Зеркало.

В зеркале, в тёмном прямоугольнике в серебряной раме, сидела на краю моей кровати рыжая женщина в зелёном платье. Сидела, закинув ногу на ногу, и с интересом меня разглядывала.

Я перевела взгляд на кровать. На краю никого не было.

Снова в зеркало. Сидит. Машет мне рукой.

— О, — сказала рыжая из зеркала. Голос донёсся будто издалека, из-за толстого стекла. — Новенькая. Наконец-то проснулась. Я тут уже полчаса торчу, а ты храпишь, как сапожник.

— Я не храплю, — сказала я машинально.

— Ещё как храпишь. Эвелина не храпела, кстати. Она вообще ничего не делала, только плакала и молилась. Скучнейшая девица. — Рыжая наклонилась ближе к стеклу. — А ты не она. Я сразу поняла. У Эвелины никогда не было такого лица, будто она собирается меня вскрыть.

Я медленно спустила ноги с кровати. Пол был ледяной. Подошла к зеркалу. Рыжая в зеркале встала и подошла ко мне с той стороны. Мы оказались лицом к лицу — я в ночной сорочке, она в зелёном шёлке с низким вырезом, с распущенными рыжими волосами до плеч.

Шея у неё была очень белая. На нижней губе темнела крошечная точка.

— Аделаида Корвин, — сказала я.

— Ого. Нас уже представили? — Она расплылась в улыбке. — Небось Кассиан показывал галерею. Скажи, мой портрет там лучший? Только честно.

— Самый живой.

— Ха. Смешно. Особенно учитывая обстоятельства. — Аделаида оглядела меня с головы до ног. — Ну что, новенькая. Ставлю на неделю.

— Что — на неделю?

— Сколько ты продержишься. Марта продержалась одну ночь, Ориана одну, я одну, Эвелина одну. Ты уже дольше всех, поздравляю. Но я реалистка. Неделя, не больше.

— Обнадёживает.

— Я не обнадёживаю, я ставки делаю. — Она прислонилась плечом к раме со своей стороны. — Тут всё равно больше нечем заняться. Год сижу в зеркалах. Знаешь, как это скучно? По ночам хожу из одного в другое, слушаю, кто что говорит. Днём сплю. Поговорить не с кем.

— Почему в зеркалах?

— Откуда я знаю? — Аделаида пожала плечами. — Умерла, очнулась тут. Выйти не могу. Сначала думала, что это Навь такая. Потом поняла, что нет. В Нави, говорят, тихо и спокойно. А тут Рейнар по ночам пьёт и поёт похабные песни, Ингрид отчитывает кухарку, а старик Хейл разговаривает сам с собой в библиотеке. Очень не похоже на загробный покой.

— А Кассиан тебя видит?

— Святая Грань, нет! — Она даже отшатнулась. — И не вздумай ему говорить. Некроманты завешивают зеркала, слышала? Зеркала — двери, через них можно ходить туда-обратно. Он меня увидит — сразу упокоит. А я ещё не закончила.

— Что не закончила?

Аделаида помолчала. Насмешка сползла с её лица, и под ней оказалось совсем другое — растерянное, злое.

— Я не помню, как умерла, — сказала она тихо. — Помню свадьбу. Помню, как танцевала с Кассианом и наступила ему на ногу, а он даже не поморщился. Помню часовню, полночь, обряд. Чашу. А дальше — дыра. Будто кто-то вырезал кусок ножницами. Очнулась уже здесь. И все вокруг говорят, что я утонула в ванне от сердечной слабости. Ты когда-нибудь видела, чтобы от сердечной слабости тонули в ванне?

— Видела, — сказала я. — Но редко. И не в двадцать шесть лет.

Аделаида уставилась на меня.

— Ты знаешь, сколько мне было лет?

— Видела дату на портрете. — Я помолчала. — Аделаида, расскажи про чашу.

— Чашу Клятвы? Обычное дело. В полночь после свадьбы жених и невеста идут в часовню. Режут ладони, смешивают кровь в Чаше Ардейнов, пьют по глотку. Клятва крови, связь, Грань, всё такое. Кассиан пьёт первым, невеста вторая. Мерзость страшная, кровь с вином. Но я выпила. Я на всё была готова, лишь бы стать герцогиней.

— Кто готовит чашу?

— Хранительница реликвий рода. Это всегда вдовствующая герцогиня. — Аделаида поморщилась. — Ингрид. Она выносит чашу из ковчега, наливает вино, благословляет и уходит. Обряд проводят вдвоём, без свидетелей.

— Кассиан пил из той же чаши? — уточнила я.

— Из той же. Первым. — Она посмотрела на меня и, кажется, поняла, о чём я думаю. — Да, я тоже об этом думала. Он пил — и жив. Я пила — и умерла. Либо он сам себе подсыпал противоядие, либо…

— Либо яд был не в вине, а на краю чаши. С её стороны.

Аделаида долго молчала.

— Ты умная, новенькая, — сказала она наконец. — Это плохо. Умные тут долго не живут.

— А ты?

— А я и не живу, — сказала Аделаида Корвин и улыбнулась криво. — Ладно. Слушай внимательно, раз уж ты такая умная. Завтра тебя потащат на ужин с семьёй. Смотри на всех. Ингрид будет называть тебя «дитя моё» и гладить по щеке — не верь. Она так со всеми. Рейнар будет пялиться и пить — не обращай внимания, он пялится на всех невест кузена, особенно на тех, кто ему нравится. Хейл будет щупать пульс и вздыхать. А Кассиан будет молчать и смотреть в тарелку.

— А кто из них убийца?

— Если бы я знала, — сказала Аделаида, — я бы уже давно ушла в Навь, как приличная покойница.

Она отступила от стекла. Её отражение начало бледнеть, растворяться, как дыхание на холодном окне.

— Аделаида, — позвала я. — Подожди. Как он умер? Кот. Пряник.

— Кот? — Призрак удивлённо обернулся. Почти растаял, только рыжие волосы ещё горели в темноте стекла. — Его отравили. Двадцать лет назад. Он слизал что-то с чашки матери Кассиана. В тот же день, когда умерла она.

Зеркало опустело. В нём отражалась только я, босая, в чужой сорочке, с чужими белыми волосами, и спящий на кровати костяной кот.

Пряник открыл один глаз. Зелёный огонёк мигнул.

Мать Кассиана тоже умерла от «сердечной слабости»? Он сказал: ему было тринадцать.

Я вернулась в постель, но до утра так и не заснула.

Глава 6. Семья

День пятый из тридцати

Ужин в Чёрном Утёсе подавали в зале, где можно было бы устраивать турниры.

Длинный стол на тридцать персон, а нас было пятеро. Свечи в тяжёлых канделябрах. Гобелены на стенах — охота, битва, снова охота. Камин, в который поместился бы небольшой автомобиль. И холод, от которого не спасал ни огонь, ни шерстяная шаль, которую Тесса накинула мне на плечи.

Кассиан сидел во главе стола. Меня посадили по правую руку от него. Напротив — светловолосый мужчина в синем мундире, которого я видела в склепе. Рядом с ним — женщина, которую он вынес на руках. Без вуали.

Матушка Ингрид оказалась красивой. Даже очень. Лет около пятидесяти, с серебряными волосами, уложенными в сложную причёску, с прямой спиной и белыми руками. Тёмно-лиловое платье, жемчуг на шее. На безымянном пальце левой руки — кольцо с большим молочным опалом, в котором, когда она поворачивала руку, вспыхивали красные искры.

— Дитя моё, — сказала она, едва я села, и протянула ко мне руку через стол. Коснулась моей щеки прохладными пальцами. — Как же ты нас напугала. Я до сих пор не могу поверить. Хейл говорит, такое бывает раз в сто лет — летаргический сон, глубокий, как смерть. Слава Грани, что Кассиан услышал.

Я вспомнила Аделаиду: «Ингрид будет называть тебя „дитя моё“ и гладить по щеке».

— Спасибо, — сказала я. — Мне уже лучше.

— Ты так изменилась, — продолжала Ингрид, разглядывая меня. — Смотришь иначе. Говоришь иначе. Будто повзрослела за эти дни.

— Близость смерти меняет людей, матушка.

— Матушка, — повторила она с улыбкой. — Ты раньше меня так не называла, дитя. Ты вообще почти ни с кем не говорила.

Неверный шаг. Я почувствовала, как под столом Кассиан чуть шевельнулся, а Пряник у меня на коленях напрягся.

— Раньше я боялась, — сказала я. — Теперь, кажется, перестала.

— Это видно, — заметил светловолосый мужчина напротив.

Он поднял бокал и посмотрел на меня поверх него. Красивый. Даже слишком: золотые волосы, ярко-синие глаза, ямочка на подбородке, улыбка героя-любовника из дамского романа. Только глаза не улыбались. Глаза смотрели остро и внимательно, как смотрели в склепе.

— Рейнар Ардейн, — представился он. — Капитан стражи Чёрного Утёса и кузен вашего мужа. Мы виделись на свадьбе, но, полагаю, вы не помните. Матушка говорит, у вас в голове туман.

— Немного.

— Жаль. Вы обещали мне третий танец. Так и не станцевали. — Он подмигнул. — Придётся повторить свадьбу.

— Рейнар, — негромко сказал Кассиан.

— Что? Я любезничаю с невесткой. Это семейная традиция. Мы же семья. — Рейнар отпил вина и повернулся ко мне. — Вы ведь знаете, как у нас всё запутано? Нет? Позвольте, я объясню, раз Кассиан, как обычно, не потрудился. Матушка Ингрид — моя мать. Была женой младшего брата старого герцога, моего отца. Отец погиб на Грани, когда мне было пять. А через три года старый герцог овдовел и женился на вдове брата. Так что Кассиан мне одновременно кузен и сводный брат. А матушка — ему мачеха и тётка. Очень удобно, правда? Можно не путаться в подарках на праздники.

— Рейнар, — повторил Кассиан, и голос его стал ощутимо холоднее.

— Молчу, молчу.

Слева от Ингрид кашлянул магистр Хейл.

Я его узнала, хотя видела впервые: такими рисуют добрых волшебников в детских книжках. Седые волосы, седая борода, кустистые брови, голубые выцветшие глаза в сетке морщин. Серая мантия с вышитой на груди змеёй вокруг чаши. Морщинистые руки с пятнами.

— Позвольте, — сказал он мне ласково и, перегнувшись через стол, взял меня за запястье.

Пальцы у него были тёплые и сухие. Он нащупал пульс, помолчал, глядя куда-то поверх моей головы.

— Ровный, — сказал он наконец. — Наполненный. Удивительно. Вы, дорогая, здоровее, чем были перед свадьбой. Тогда сердце билось, как у пойманной птички.

— Должно быть, я выспалась, — сказала я.

Хейл засмеялся. Добро засмеялся, по-стариковски.

— Три дня в гробу. Да уж. Выспались. — Он отпустил мою руку. — Как вы себя чувствуете? Голова не болит? Не мучают видения? Голоса?

— Голоса? — переспросила я.

— Бывает, что после глубокого сна люди слышат то, чего нет. Видят странное. В зеркалах, например.

Я замерла. Он смотрел на меня мягко и сочувственно, как врач на больного. Ничего больше.

— Нет, — сказала я. — Ничего такого.

— Чудесно. Если что-то начнётся — сразу ко мне. Я дам вам капли.

Подали первое блюдо — суп из рыбы, густой и белый. Слуга обошёл стол, наливая вино. Когда он дошёл до меня, Кассиан, не глядя, накрыл мой бокал ладонью.

— Леди не пьёт вина.

— Кассиан, это лучшее альмерийское… — начала Ингрид.

— Леди не пьёт вина, — повторил он, взял свой бокал, отпил и поставил передо мной. — Только из моего.

Повисла пауза. Рейнар фыркнул в бокал. Ингрид чуть поджала губы, но тут же улыбнулась. Хейл покачал головой с выражением доброго дедушки, который видит, как молодые глупят.

— Ты подозреваешь собственную кухню, мальчик? — спросил он.

— Я подозреваю всех, — сказал Кассиан. — У меня было четыре жены. Мне хватило.

Больше в тот вечер о вине не говорили.

* * *

Я ела медленно и смотрела.

Это я умею. Двенадцать лет на опознаниях. Родственники входят в комнату, и ты видишь всё по первым трём секундам: кто действительно горюет, кто боится, а кто проверяет, точно ли мёртв. Иногда этих трёх секунд хватает больше, чем всем последующим допросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.